

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Alfonso de Otazu y Llana. El «igualitarismo» vasco: mito y realidad. San Sebastian, 1973, 454 p.

Книга молодого испанского историка Альфонсо де Отасу и Льяна посвящена одному из интереснейших аспектов социальной истории басков. Этот небольшой народ с давних пор привлекал к себе внимание языковой и культурной самобытностью, особенностями социального развития. Широкое распространение получило мнение о басках, как о народе «равных и свободных» людей, никогда не знавших никаких форм феодальной зависимости, поголовно участвовавших в решении всех вопросов местного самоуправления. Более того, в значительной мере именно памятью о «прежних правах и свободах» вдохновлялись местные сторонники карлистских претендентов на трон в борьбе против правительства, стремившегося отменить особый статус баскских земель. Деятели националистического движения конца XIX—XX вв. также противопоставляли басков как носителей «свободного духа» всем остальным народам Испании, на которых лежала печать «многовекового рабства».

На основании своего исследования, охватывающего период примерно с XI до начала XIX в., автор книги пришел к выводу, что так называемое «исконное равенство» басков — не что иное, как миф, никогда не имевший реальной основы. Баскское общество знало и деление на антагонистические классы, и сеньориальный режим, и восстания эксплуатируемого населения против господствующей элиты. Но Отасу и Льяна не просто развенчивает традиционные представления, но и вскрывает причины их возникновения и удивительной живучести. Он считает, что на каждом историческом отрезке идеи «равенства» оказывались выражением интересов определенных слоев общества. Социальная база этих идей неоднократно менялась в соответствии с социально-экономическим развитием баскских провинций.

Возникновение тезиса об «изначальном равенстве» всех басков автор относит к XIV в. Он рассматривает XIV—XV вв. как период господства феодальных сеньоров (patientes maorages), против которых в этот период развернулась борьба сельских и городских общин, завершившаяся к началу XVI в. почти полным уничтожением могущества и влияния феодалов и укреплением органов общинного и муниципального самоуправления. В этих условиях идеи «исконного равенства» призваны были закрепить одержанную победу.

Однако и в это время население Страны басков и Наварры было крайне неоднородно. Многократно говорилось и писалось о «коллективном неравенстве» басков, избавлявшем их от всех видов зависимости и указывающего на то, что Отасу и Льяна приводит цифры, из которых видно, что идалгия распространялась здесь лишь на часть населения: она составляла 50% жителей Бискайи и Гипузы, 30% — Алавы и всего 6% наваррцев. Автор сообщает о разного рода привилегиях, которые несли большие группы населения рассматриваемого региона и после политического разгрома класса феодалов. Кроме того, для Басконии и Наварры характерно существование групп так называемых «аготов» (agotes) — совершенно бесправного населения, подвергавшегося различного рода притеснению и сохранившего свою обособленность вплоть до XX в.

Но и в среде баскских «дворян» имелись глубокие социальные и экономические различия. Так, в группе северонаваррских землевладельцев, обладавших правами коллективного дворянства, существовала огромная разница между владельцами стад и общинных пастбищ и теми общинниками, которые могли лишь работать пастухами; однако им не позволялось иметь собственный скот.

В подтверждение своего тезиса о неравномерности баскского общества уже в начале исследуемого им периода автор выдвигает предположение, что многолетняя вражда кланов Басконии была не чем иным, как борьбой «двух типов общества»: пастухов горной части страны и торговцев, моряков и земледельцев прибрежной зоны.

Тогда же, с конца XVI в., «изначальное равенство» басков оказалось также орудием противопоставления автохтонного населения «чужакам», стремившимся поселиться на землях той или иной общины. В связи с этим автор указывает на большую роль, которую в истории басков сыграла необходимость поддержания равновесия между природными ресурсами страны и количеством обитавшего в ней населения. Этим объясняются, в частности, некоторые специфические местные обычаи.

В XVII—XVIII вв. на сцену выходит новый класс, берущий на вооружение тезис об «изначальном равенстве». Автор считает, что основным источником «первоначального накопления» в Басконии стали деньги басков, разбогатевших за пределами своей родины, в Испании или Америке. По возвращении они скупали земли, торговые и производственные предприятия и очень скоро превратились в могущественную олигархию, господствовавшую в экономике и внутренней политике Страны басков. Свое «темное» происхождение эти люди компенсировали тем, что роднились с потомками бывших феодальных сеньоров. И уже вскоре они видоизменили идеи «всеобщего равенства». Идеологи главенствующего слоя утверждали, что среди баскского народа, состоящего

из идалго, есть патриции и плебеи. Реально эта мысль соответствовала все большему сосредоточению власти в руках экономически господствовавшей группы. Были введены специальные ограничения на участие в выборных органах, что оправдывалось необходимостью определенных расходов по «представительству». По подсчетам автора в разных частях Басконии избранными на должности в органах местного самоуправления могли быть представители всего лишь 1—2% населения. Фактически знаменитая демократическая система баскской автономии служила в XVII — начале XIX в. формой господства немногочисленной группы буржуазии.

Капитализация экономики Страны басков ухудшала положение средних и мелких производителей и полностью отнесла их от решения важнейших вопросов внутренней жизни. Это вызвало яростные вспышки борьбы против угнетателей. В поисках выхода из тяжелого положения массы крестьян и ремесленников в конце XVIII в. обращаются все к той же концепции «изначального равенства», противопоставляя ее действительности. Идеализируя прошлое, они неизбежно оказываются в лагере реакции, что и продемонстрировали карлистские войны XIX столетия.

Реакционный характер обращения к прошлому усиливается, по мнению автора, вследствие участия местных священников в борьбе трудящихся еще с XV—XVI вв. Представляет интерес анализ автором этого явления, наложившего отпечаток на все баскское национальное движение. Он считает, что причиной антагонизма между священниками и феодалами, а впоследствии пришедшими им на смену олигархами, были экономические трения. Дело в том, что, так как церкви в Басконии основывались на землях того или иного клана, глава клана, будущий сеньор, становился их покровителем, а одновременно — получателем десятины от прихожан. Это «покровительство», ставившее священников в зависимость от «патронов», существовало и в дальнейшем, причем, как правило, священники считали себя обделенными. Обладатели права на получение церковной десятины обычно выплачивали им определенную сумму, не считаясь с ростом числа прихожан и иными факторами.

В предисловии к книге автор так сформулировал вопросы, на которые намеревался ответить в своей работе: существовал ли в Стране басков феодализм, имелись ли здесь классы и народное движение? На эти вопросы он ответил положительно, заняв непримиримую позицию в споре с теми, кто отстаивает противоположную точку зрения, опираясь при этом на свидетельства современников. Позиция автора, основанная на анализе социально-экономического развития Басконии, представляется достаточно убедительной и многое дает для понимания истоков и характера национального движения басков. Правда, мне кажется, что в стремлении доказать тождественность исторического пути басков и окружающих народов Отасу и Льяна порой пренебрегает немаловажными чертами самобытности населения исследуемого региона. Так, по его мнению, «парьентес майорес» — это феодалы обычного западноевропейского типа, установившие в XIV—XV вв. настоящий сеньориальный режим в Басконии. Но само их происхождение из клановой верхушки («парьенте майор» — «старший родственник»), наряду с многочисленными свидетельствами существования достаточно ярко выраженных явлений, характерных для родового строя, заставляет думать, что дело обстоит несколько иначе. На основании данных, приведенных в книге, можно предположить, что примерно до начала XVI в. в баскском обществе шла упорная борьба между прежней родовой аристократией, стремившейся монополизировать землю и превратиться в сеньоров, и рядовыми общинниками, противившимися этому. Победе последних способствовал ряд обстоятельств. В ходе двухвековой войны кланов, разделившей всю Басконию на два лагеря, была истреблена значительная часть клановой верхушки. Кроме того, кастильские короли сами способствовали ослаблению позиций родовой элиты. Мало того, что они основывали поселения в местах, важных с торговой, военной или религиозной точек зрения, не спрашивая согласия кланов, владевших землей, — они предоставляли жителям этих «бургов» (сначала иноземцам, а затем и баскам) особые права и привилегии, ставившие их вне юрисдикции клановых вождей. Наконец, короли охотно жаловали жителям целых селений и даже областей Басконии пресловутое «коллективное дворянство», что сводило на нет претензии «парьентес майорес». Кроме того, в XVI в. население баскских провинций стало смешанным, что привело к ослаблению родовых связей и укреплению соседских, и это обстоятельство нанесло последний удар тенденции к превращению бывшей родовой верхушки в феодальных сеньоров. К концу XVII в., когда появилась новая олигархия, от бывшего влияния «парьентес майорес» осталось не так уж много.

Следует также оговориться, что рецензируемая работа построена главным образом на «испанско-баскском» материале. В небольшой главе, посвященной Французской Басконии (областям Суль, Лабур и Нижняя Наварра), говорится, что основные этапы их социальной истории примерно соответствуют общественному развитию испанской Страны басков вплоть до Великой французской революции.

В целом книга Альфонсо де Отасу и Льяна представляет большой интерес для исследователей истории и этнографии басков, а косвенно — и других народов Испании.

А. Н. Кожановский